

лишь частицею времени, которое мы проживемъ отъ рожденія до смерти? Что такое человѣкъ, въ чемъ его отличительное свойство отъ всего существующаго, имѣеть-ли и можетъ-ли имѣть какое либо значеніе въ міровой жизни это особое свойство человѣка, въ чемъ и какъ должно оно проявиться въ жизни всего міра?—Человѣкъ есть, несомнѣнно, порожденіе природы, т. е. новое сочетаніе ея силъ, новое проявленіе ея самой, и потому—можетъ ли человѣкъ быть чѣмъ-то безразличнымъ, чѣмъ-то ненужнымъ въ природѣ, въ мірозданіи? Отличительное свойство человѣка—не ошущеніе,—ошущеніемъ одарены и животныя,—а *разумъ*, способность познаванія, способность обобщенія, стремленіе обнять *все*. Въ зачаточномъ состояніи разумъ есть и у животныхъ, но разумъ животныхъ далекъ отъ всеобъемлемости, такого стремленія въ умъ животныхъ и не зарождалось. Стремленіе обнять *все* можетъ осуществиться лишь въ управленіи всѣми силами природы, въ дѣйстви на самыя причины всего совершающагося, всего существующаго, т. е. дѣло идетъ уже не объ общечеловѣческой лишь солидарности, о господствѣ разума, или головного мозга, не надъ явленіями лишь человѣческой жизни, какъ выражается Писаревъ на 23-й стр. своей статьи „Реалисты“,—а надъ явленіями жизни всего міра. Человѣкъ, если видѣть въ немъ произведеніе природы, человѣческая жизнь, если она есть проявленіе, сочетаніе тѣхъ же силъ природы, какъ и все, въ мірѣ существующее, не можетъ и не должна быть выдѣляема изъ жизни всего міра, не можетъ не имѣть значенія въ экономіи природы и *разумъ*,—это отличительное свойство человѣка, стремленіе все обнять, понять, не почувствовать—только, или ошутить, но и сознать.

Въ человѣкѣ, или чрезъ человѣка, природа начинаетъ сознавать себя, сознавать свое несовершенство, начинаетъ сама себя видѣть; чрезъ человѣка природа видитъ, что жизнь попирается жизнью, что послѣдующее *вытѣсняетъ* предыдущее, что чувствующее отдано въ жертву безчувственному, видитъ всеобщее шествіе къ смерти, сопровождаемое всякаго рода страданіями. Но видѣть все это, созерцать страданія и смерть и не имѣть силъ, возможности помочь этому, было-бы величайшимъ и безцѣльнымъ мученіемъ, а потому мы должны спросить себя, говорится на стр. 284-й „Философіи Общаго Дѣла“,—*„знаніе объ ожидающей землю судьбы, объ ея неизбежномъ концѣ, облязываетъ-ли насъ къ чему либо или нѣтъ; или, иначе сказать, таксе знаніе естественно-ли, т. е. необходимо-ли и нужно-ли оно на что нибудь въ природѣ, или же неестественно и составляетъ бесполезный придатокъ?“*—Если знаніе на что либо нужно, то знаніе, къ которому приходитъ чрезъ человѣка природа, заставитъ насъ поставить цѣлью не уменьшеніе лишь человѣческихъ страданій, а уничтоженіе самой причины страданій, причины, слѣдовательно, смерти, ибо всякое страданіе есть умаленіе жизни, приближеніе къ смерти; безболѣзненная смерть явленіе невозможное, и самое выраженіе это заключаетъ въ себѣ противорѣчіе: для наступленія смерти надо, чтобы главнѣйшіе органы наши претерпѣли измѣненіе, испортились, сдѣлались бы негодными для жизненныхъ отправленій;—какъ возможно, чтобы такія измѣненія произошли безъ страданій, безболѣзненно?!...

Итакъ, устраненіе причины страданій будетъ уничтоженіемъ причины